

Вячеслав ХАРЧЕНКО

Вячеслав Харченко родился в 1971 году в Краснодарском крае. Закончил школу в Петропавловске-Камчатском, выпускник МГУ им. Ломоносова, учился в Литературном институте им. Горького. Стихи и проза печатались в журналах «Новая юность», «Арион», «Знамя», «Октябрь», «Крещатик», «Новый берег», «Ното Legens» и др. Автор книги прозы «Чай со слониками» (М.: Время, 2018). В «Волге» публикуется с 2014 года. Живет в Москве.

НЕЖНОСТЬ

Рассказ

– Ты когда-нибудь Дюка Эллингтона слушал? «Караван», например, – спросила меня Лена.

Я посмотрел за окно. Струи мартовского дождя вперемешку со снегом оставляли на стекле полосы. Сквозь эти мокрые порезы были видны дворники, зачем-то подметавшие в непогоду двор, и поливальная машина, чье назначение тем более было непонятно.

– Кто это, – ответил я, оторвавшись от книги и повернув голову в сторону жены.

– Это джаз, ты разбираешься в джазе? Ты что, только Майка Науменко слушаешь?

Когда Лена сердилась, она хорошела. Немного билась венка на правом виске, щеки розовели, я любил изредка подразнить жену, но делать это опасно из-за взрывного характера Лены.

– В этом мире я мало в чем разбираюсь, меня много чему учили, но так ничему и не научили.

Я вспомнил все три своих института, из которых закончил лишь один, и аспирантуру, из которой вышел со справкой, так и не защитив кандидатскую диссертацию. Да и название диссертации я давно забыл.

– Неужели ты не слышал «Караван»?

На лице Лены было написано если не недоумение, то уж неверие точно. Она взяла со стола зимнее яблоко и стала его вертеть в руках, как жёлтый теннисный мячик. Мне кажется, если бы у нее в руках была ракетка, то она запустила бы в меня этим яблоком.

– Наверняка слышал, просто у меня нет ни голоса, ни слуха, представь, что перед тобой человек без ног. Грешно смеяться над безногим.

В этот момент Лена, представив меня безногим, засмеялась. Если честно, я не понимал, над чем она смеется, но увидев на ее лице радость, тоже улыбнулся.

– Ладно, в субботу мы пойдем в кинотеатр «Иллюзион» смотреть «Одержимость» с Майлзом Тейлором.

Кино я не любил, не знаю почему. Всегда казалось, что это какое-то синтетическое искусство, где зачастую главную роль играет не собственно талант режиссера, а непонятные побочные факторы: работа оператора, игра актеров и тому подобное. Про кинотеатр «Иллюзион» слышал, что это культовое место бородатых киноманов в круглых очочках, где они собираются в твидовых пальто и фетровых шляпах. Смотрят полузабытые или непонятные модные французские и гонконгские картины, а потом с жаром обсуждают их в близлежащих кафешках, прихлебывая санкционное испанское вино и заедая его сыром с плесенью.

В дискуссиях они размахивают руками, кидаются неизвестными терминами, оперируют недоступной информацией, а вы же сами знаете, что такое присутствовать в компании людей, где тебя никто не знает и не понимает.

В субботу было сыро и промозгло. С реки, от воды, дул неприятный резкий ветер. Мы брели с Леной, прижавшись друг к другу, от метро «Таганская» до Котельнической набережной. Мне было неуютно, и я думал, что фильм должен быть не просто хорошим, а очень хорошим, и джаз должен быть не просто хорошим, а очень хорошим, чтобы я мог принять эту сырость, эту промозглость и этот холод, пробирающий нас до костей.

– Скоро уже? – покосился я на Лену, поглубже засунув руки в карманы.

– Уже почти пришли, – ответила она и еще крепче прижалась ко мне. Ее сиреневый шарф выбился из-за воротника и шевелился, как осенние листья. Я остановил жену, поправил шарф и погрел её ладошки в своих ладошках.

Кинотеатр показался мне немного помпезным, странным и излишне величественным: типичный ампир тридцатых. Тяжелые массивные греческие колонны, огромные хрустальные люстры, свисающие с потолка, темный мрамор, грубая лепнина, забытый герб СССР, большой зал на 200 мест. Как они собирались в этом советском мавзолее показывать американский джаз, непонятно. Меня это даже немного рассмешило, но мы купили билеты, нырнули в темную прожорливую глубину и расположились почти в центре, благо что свободных мест было много. То ли этот фильм уже все, кто хотел, посмотрели, то ли американские блокбастеры начисто убили в народонаселении столицы тягу к джазу.

Когда погас свет и пошли первые кадры, я вдруг увидел на экране себя. Артист Майлз Тейлор, игравший в фильме роль джазового барабанщика, как две капли воды был похож на меня, особенно если мне скинуть лет двадцать.

На экране он одержимо барабанил «Караван» Дюка Эллингтона (конечно, я узнал эту мелодию, я ее не раз слышал, просто забыл), а его жестокосердный учитель в духе китайских дзен-буддийских наставников-монахов называл его полным ничтожеством, унижал, подставлял, сажал на воду и хлеб, колошматил барабанными палочками, сдирал до крови кожу и требовал верного, бескорыстного и бесплатного служения искусству. Меня, то есть героя Майлза Тейлора, ломали как тростинку, но Майлз Тейлор стал былинным богатырем, преодолев все препятствия и победив своего наставника-противника-мудреца в духовной схватке.

В конце Майлз Тейлор становился крутым джазовым барабанщиком, звучит великий джаз, титры мелькают по экрану, по моей щеке стекает суровая скупая мужская слеза, которую я незаметно смахиваю клетчатый платочком.

Еще какое-то время я, оглушенный, сидел в кресле и долго смотрел на погасший экран, пока Лена не тронула меня за локоть. От этого прикосновения я немного вздрогнул и посмотрел ей в лицо. Мне показалось, что ее лицо тоже немного опухло от слез.

Потом мы вышли из кинотеатра и не спеша прошлись. К тому же распогодилось. Хотя от воды и шла сырость, но весь этот промозглый холодок, который так угнетал нас, куда-то пропал.

Вылезло яркое весеннее солнышко, и мне виделось, что жизнь это такая страшная черная дыра, куда в начале из всех мешков сыпают хлам и мусор, а оттуда вдруг вырастает прекрасное молодое деревце, которое несмотря ни на что начинает плодоносить. Если, конечно, потерпеть или сделать вид, что терпишь.

Мы шли узкими кривыми улочками, глазели на желтые приземистые особнячки, по дорогам куда-то спешили машины. Машины ехали не просто так, а синхронно с неведомой и еле уловимой мелодией. По крайней мере, я ее слышал, что для меня, конечно, дело невиданное.

– Ну, ты понял что-нибудь? – спросила меня Лена и остановилась.

– Понял, – ответил я скорее машинально. Так отвечают, если не знают, что ответить.

– По-моему ты ничего не понял.

Лена явно подначивала меня. Мы стояли посреди тротуара и мешали прохожим. Сзади в нас уперлась красная детская коляска с малышом. Его родители хотели нам высказать все, что они о нас думают.

– Понял. Надо страдать.

По газону ходили первые грачи. Что-то рано они прилетели в этом году.

– Давай посидим в кафе, – улыбнулась Лена и потащила меня в переулок. Родители малыша громко вздохнули. Коляска продолжила движение по скользкой собянинской плитке.

Мы вошли в полутемное придорожное кафе, стилизованное под библиотеку моего детства. Между столиками стояли стеллажи книг, и каждый посетитель, прихлебывая кофе из чашечек лианозовского фарфора, мог протянуть руку до полки и вытащить Маркеса, или Борхеса, или Сэлинджера. Я взял «Степь» Чехова, и мы сели у окна. Окно, широкое и огромное, располагалось вровень с тротуаром. Возле наших носов постоянно мелькали чьи-то худые ноги, длинные руки, дамские сумочки и мужские кожаные портфели. Все кафе было забито боролатыми суровыми хипстерами, они пили черный кофе и зеленый чай, ели творожные чизкейки и громко и непринужденно обсуждали последние картины южнокорейского режиссера Ким Ки Дука.

И вдруг откуда-то из глубины кафе странной галлюцинацией ласково заиграл саксофон. Мы с Леной обернулись и на небольшой черной невысокой сцене разглядели старого умудренного седого музыканта, сжимавшего инструмент так бережно, словно расставание с ним равносильно смерти.

Он осторожно перебирал утонченными узловатыми артритными пальчиками, раздувал серые щеки. Когда он это делал, то морщины разглаживались на его лице, и было в этом что-то нужное и значимое, как первые еле слышные слова любимого ребенка.

Музыка мартовской оттепелью отражалась от темных стен, на которых висели кадры из кинофильмов и фотографии советских и американских актеров. Она преломлялась солнечными лучиками и проникала в каждую щель этого тихого и уютного кафе. Мы с Леной замолчали, притихли и хипстеры-киноманы, забыв о Ким Ки Дуке, и всем вдруг стало одновременно одиноко и радостно. Саксофон играл и играл, за окном лаяла маленькая противная собачка, чувство необъяснимой нежности не покидало нас всех.